

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ

Зафиксированные в языке структуры мышления имеют практическую природу, а потому и сами структуры языка детерминированы в своем развитии предметно-практической деятельностью, ее структурными характеристиками.

Инвариантная структура деятельностного акта, лежащая в основе любой практики, может быть представлена следующим образом: **СУБЪЕКТ** деятельности с присущими ему **ЦЕЛЯМИ** — **СРЕДСТВА** деятельности — **ПРЕДМЕТ** деятельности — **ПРОДУКТ**.¹ Действующий субъект, носитель определенных целей и знаний о способах их достижения, может быть рассмотрен как **субъектная составляющая** деятельностного акта, в которой находит выражение активное человеческое начало по отношению к внешнему миру, его целеполагающее вмешательство в объективный ход процессов. В качестве же **объективно-предметной составляющей** деятельности может быть выделено взаимодействие предмета деятельности со средствами (орудиями), служащими проводником человеческого воздействия на предмет. Изменение свойств предмета деятельности в процессе этого естественного взаимодействия объектов, т. е. превращение его в продукт (предмет с новыми свойствами, удовлетворяющими человеческие потребности и соответствующими поставленной цели), протекает в соответствии с законами объективного мира.²

Универсальная структура деятельности определенным образом запечатлевается в структурах естественного языка. Это связано с тем, что язык, по К. Марксу, есть непосредственная действительность мысли, тогда как мышление, в свою очередь, есть не что иное, как отражение действительности, познанной в форме деятельности, практики.³ Указанная фиксация деятельностных структур в языке обнаруживает себя на его грамматическом уровне. Лингвистами отмечено наличие общих внеязыковых понятий, стоящих за семантико-синтаксическими категориями и не зависящих от способов выражения последних в том или ином языке. Получая в ткани языка синтаксическую и морфологическую форму, эти структуры становятся грамматическими категориями.⁴

К таковым лингвисты относят категории: *действия* (воздействия, состояния, фактивности), которой соответствует сказуемое; *деятели* (субъекта действия, агенса), которой соответствует подлежащее; *объекта воздействия и орудийности* (дополнение); *признака* (свойства), которой соответствует определение; *положения в пространстве и времени* (обстоятельство) и др.⁵ Именно соотносительностью с данными универсалиями определяются синтаксические свойства функционально-семантических групп языка (в частности, парадигматическое и синтагматическое единство частей речи). Как видим, названные «внеязыковые универсалии» есть в своей совокупности не что иное, как отражение инварианта структурных элементов деятельности. А система отношений между структурными элементами деятельностного акта выступает в качестве общего каркаса семантико-синтаксических структур языка, ибо общие для всех языков отношения между членами предложения (отношения субъективности, объективности, предикативности и атрибутивности⁶) практически выражают отношения между объективно-предметной и субъектной составляющими деятельностного акта, а также отношения внутри объективно-предметной его составляющей (между свойствами предмета деятельности и измененными свойствами продукта).

Любой естественный язык, таким образом, не только выражает отраженные в сознании реалии действительности, но (поскольку эта действительность познана в форме практики, деятельности) имплицитно фиксирует в своих структурах и структуру деятельностного акта, инва-

риантную для всех человеческих культур. Необходимо отметить, что указанная фиксация не является непосредственно зеркальной, ибо связь «грамматических категорий... с логическими понятиями и с действительностью при реальном употреблении языка может носить самые различные формы»⁷. Одна семантическая структура (деятельностная ситуация) может быть выражена с помощью самых различных грамматических структур, численность и разнообразие которых зависят от специфики каждого конкретного языка (варианты залога, номинативные и эргативные конструкции, инкорпоративный комплекс и др.) При этом активная залоговая конструкция изоморфна описываемой ситуации, ибо в ней синтаксические категории соответствуют реальным функциям субстанций и признаков в процессе, к производным же конструкциям, в частности конструкциям пассива, можно отнести те синтаксические образования, «в которых конкретный лексически выраженный субъект не занимает позицию подлежащего»⁸.

Обобщенная структура практики, будучи универсальной, тем не менее реализуется по-разному в различных исторических типах общества. Способ этой реализации зависит от достигнутого каждым конкретным обществом уровня развития практики и находит выражение в характере дифференцированности самих структурных компонентов деятельности (субъект, средства деятельности, объект, продукт) и различных способах их взаимосвязи. Эти исторические особенности осуществления деятельности в каждом конкретном типе общества находят выражение в специфике категориального строя мышления соответствующей эпохи, поскольку уровень развитости практики на том или ином историческом этапе определяет степень овладения человеком силами природы, дифференцированность его социальных связей, реальное место человека в мире.

Если сравнить структурные характеристики деятельности таких различных типов социальной организации, как традиционное общество Древнего Китая и античный полис, то мы обнаружим между ними существенные различия, аналог которых может быть зафиксирован и при сравнении категориального строя соответствующих культур. Земледельческая деятельность, на которой главным образом основывались традиционные (в том числе и древнекитайское) общества, ориентирована не только на активное вмешательство человека в природу, но и использование объективных результатов спонтанных процессов, протекающих независимо от человеческих усилий. (Это отражено в иронизирующей над чрезмерной активностью древнекитайской притче о человеке из царства Ли, который, желая, чтобы посаженный лук рос быстрее, стал тянуть его из земли за перья и в результате остался ни с чем⁹.)

Консервативность традиционной земледельческой практики, ее органическая вплетенность в природные и неизменно повторяющиеся ежегодные циклы, родовые пути естественных связей, по словам К. Маркса, «подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того, чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств»¹⁰. В условиях традиционных обществ человек еще не осознавал себя автономным субъектом деятельности по преобразованию природы и общества. Соответственно и деятельность в таких культурах отражалась в общественном сознании таким образом, что акцент делался на объективно-предметной ее составляющей: превращение предмета деятельности в продукт, т. е. определенное изменение его свойств мыслилось в качестве объективного и самопроизвольного процесса. Так, и отечественными, и зарубежными синологами (Ю. Кроль, К. В. Васильев, Дж. Нидам) зафиксирована следующая особенность картины мира, характерной для древнекитайской культуры. Каждая вещь трактуется как обладающая собственным спонтанным «жань», т. е. тем, что делает ее именно этой вещью. Обладатели одинаковым «жань» входят в один и тот же род («лэй») и в силу этого испытывают постоянное взаимное влияние, своеобразный резонанс, который, собственно, и обуславливает наличие у них именно такового, а не иного «жань». Благодаря этой замкнутой взаимозависимости

все объекты резонансируют: посредством всего мира вещь определяет самое себя, и именно поэтому ее «жань» выступает как «саможань» («цзы-жань»). Древнекитайские мыслители признают и возможность «жань» иного рода — «чжи-жань», который обусловлен не резонирующим взаимопроникновением всех объектов данного «лэй» (т. е. фактически внутренней по отношению к рассматриваемой вещи причиной), но является результатом внешнего силового воздействия. Иначе говоря, «чжи-жань» — это «жань» не спонтанный, но навязанный. Подобное навязывание, т. е. волевое придание объекту тех или иных не присущих ему искони свойств, необходимо предполагает носителя этого привносимого «жань», т. е. действующего субъекта данного усилия, несущего в себе образ будущего продукта. Наличие и значение субъектной составляющей деятельности, таким образом, все же отражено в древнекитайской культуре, но при этом, как отмечает Ю. Кроль, «наверху иерархии ценностей продолжает оставаться концепция спонтанности (цзы-жань)»¹¹.

Это выражается и в нормативно-аксиологических составляющих древнекитайской культуры. Гомеостатическое традиционное функционирование крестьянских поселений, из века в век воспроизводящих одни и те же формы деятельности, ведет к тому, что в культуре этих обществ оформляется такой нравственный принцип деятельности (а точнее — недеяния), как «у-вэй»: все должно идти своим чередом, и извлекать пользу из окружающего мира следует, не нарушая его покоя человеческим вмешательством. В китайском даосизме дана следующая формулировка этого принципа: «Даже если имеется много орудий, не надо их употреблять... Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и ничему не противоборствует... Поднебесную получают в управление, следуя недеянию... Когда правительство деятельно, люди становятся несчастными»¹².

Акцентировка объективно-предметной составляющей деятельности характерна для всей древнекитайской культуры. Соответствующий акцент может быть обнаружен и в древнекитайском языке вэньянь на его грамматическом уровне. Так, в качестве основной семантико-синтаксической оппозиции в вэньянь выделяются ИМЯ и ПРЕДИКАТИВ (прилагательное, глагол, числительное)¹³, т. е. функционально-семантические группы слов, в которых репрезентируются структурные элементы деятельности, обобщенно выражающие изменение свойств того или иного объекта независимо от внешних воздействий на этот объект (отношения между свойствами предмета деятельности и измененными свойствами продукта, т. е. отношения внутри объективно-предметной составляющей деятельности).

В отличие от этого, в системе европейских языков в основную семантико-синтаксическую оппозицию выделяются ИМЯ (существительное, прилагательное, числительное) и ГЛАГОЛ, т. е. функционально-семантические группы, максимально обобщенно выражающие действие и субъекта деятельности. Это связано с характерной для европейской культуры и восходящей к античной Греции акцентировкой осмысления практической деятельности. В противоположность древнекитайской культуре, основанной на натуральном земледельческом хозяйстве, культура Древней Греции базировалась на динамично развивающейся и дифференцированной практике (бурное развитие ремесел, торговля и т. п.). Такая практика неизбежно приводила к осознанию себя человеком как деятельной личности, активно вмешивающейся в естественный ход процессов. Из этого следовала сильная дифференцировка субъектной и объективно-предметной составляющих деятельности в древнегреческом мировоззрении, т. е. выделение субъектной ее составляющей в качестве самостоятельной и необходимой. В силу этого при осмыслении отношения человека к миру гипертрофированная роль отводилась субъекту с присущим ему атрибутом целеполагающей деятельной активности. Кроме того, в силу личного характера рабовладения в Древней

Греции, структура деятельностного акта в античной рабовладельческой культуре мыслится таким образом, что господин представлен как носитель целей деятельности, способный еще до их реализации создавать идеальный образ будущего продукта деятельности в своем сознании (деятельность как *χοητις* или *πραξις*); раб же трактуется лишь как орудие деятельности, но орудие говорящее, т. е. способное в отличие от других орудий понимать и практически реализовывать высказанную в приказе программу (деятельность как *ποιητις*). В силу примата свободного над рабом акцент при осмыслении практики в данном контексте еще более смещался на субъектную ее составляющую, связанную с целеполаганием. Даже при отражении объективных процессов последние трактуются как деятельность примысленного (как правило, мифологического) субъекта: например, характерная для древнегреческого языка конструкция «Зевс дождит».

Это характеризует все области духовной культуры античности. В частности, указанная акцентировка порождает особое выделение категорий целевой и действующей причины в категориальном аппарате античной натурфилософии. Функции целеполагания и инициации становления космоса выполняют в философских моделях такие специально фиксированные сущности, как Логос у Гераклита, Нус — у Анаксагора, Филия и Нейкос — у Эмпедокла, а позднее — платоновские Идеи и Перводвигатель в учении Аристотеля.

Таким образом, все компоненты универсальной структуры деятельностного акта репрезентированы в ткани любого естественного языка посредством его основных функционально-семантических групп, однако выделение основных семантико-синтаксических оппозиций зависит от специфики и уровня развития предметно-практической деятельности носителя данного языка (на период формирования указанных оппозиций). Можно заключить, что имплицитная фиксация в ткани языка структурных характеристик практической деятельности является объективным основанием для глубокой социокультурной детерминации языковых характеристик, что наглядно обнаруживается, в частности, на грамматическом уровне языка.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.— Т. 23.— С. 189—192.

² См.: Степин В. С. Становление научной теории.— Минск, 1976.— С. 11.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.— Т. 3.— С. 1, 448.

⁴ См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи.— Л., 1978.— С. 238; Есперсен О. Философия грамматики.— М., 1958.— С. 57—58.

⁵ См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи.— С. 27; Дегтярев В. И. Основы общей грамматики.— Ростов-н/Д, 1973.— С. 165; Бондарко А. В. Универсальные и неуниверсальные функции в грамматике // Универсалии и их место в типологических исследованиях.— М., 1971.— С. 7—8; Кацнельсон С. О. Об универсальных категориях в грамматике // Универсалии и их место...— С. 9—10.

⁶ См.: Березин Ф. М. К постановке проблемы языковых универсалий // Семантика и восточные языки.— М., 1967.— С. 120.

⁷ Общее языкознание / Под ред. А. Е. Супруна.— Минск, 1983.— С. 115—116.

⁸ Храковский В. С. Пассивные конструкции (универсалии и типология) // Универсалии и их место...— М., 1971.— С. 16.

⁹ См.: Нидам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке.— М., 1966.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.— Т. 9.— С. 136.

¹¹ Кроть Ю. Л. «Коррелятивное мышление» и древнекитайское представление о внешней причине // Общество и государство в Китае: сб-к 4-й научной конференции.— М., 1973.— С. 34.

¹² Антология мировой философии.— М., 1966.— Т. 1.— Ч. I.— С. 188—189.

¹³ См.: Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык.— М., 1965.— С. 40; Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка.— Л., 1962.— С. 68.